
Раздел VII ТЕОРИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА

7.1. Теоретические основы реализации права

Тема реализации права как одна из центральных проблем правоведения и государствоведения во все времена являлась актуальной.

В исследованиях советского периода сущность реализации права объяснялась целями противопоставления марксистского понимания государства различным вариантам немарксистского (объективно-идеалистического, субъективно-идеалистического, вульгарно-материалистического) понимания государственной власти. Авторы подвергли критике теории буржуазных идеологов и ревизионистов, оппортунистические взгляды на социалистическое государство, современные буржуазные теории демократии и государства. Они рассматривали социальные корни «искажения» марксистско-ленинской теории и партийности юридической науки, игнорируя различные концепции множественности «моделей» социализма. Таким образом, социально-классовый подход к власти был признан определяющим в государствоведении и, следовательно, в реализации права.

Между тем в государствоведении недостаточно изучать экономику, политику, государство, право, демократию, социальные нормы только с позиции классового подхода.

В этой связи весьма уместно привести слова Г.В. Плеханова, который предупреждал: «Между силой и насилием лежит глубокая пропасть... насильственные действия пролетариата, при известных обстоятельствах, могут задержать развитие его силы»¹.

По определению Р.И. Хасбулатова, партия, по существу, подменяла органы советской власти и олицетворяла политическую (государственную) власть, ликвидация частной собственности неизбежно усиливала новую диктатуру, партийный аппарат стремился полностью освободиться от контроля со стороны не только общественных, но и государственных органов. Его вполне устраивало безраздельное

В свете теории правонарушений применение права в самом общем виде заключается в исследовании вопроса, наступило ли в данном случае действие нормы права. Это означает государственное подтверждение, наличие или отрицание юридического факта. Путем комплекса мыслительных, фактических, организационных и юридических операций обеспечивается реализация правовых норм. Таким образом, можно сформулировать некоторые выводы.

Применение норм права образует правоотношение. В нем нормы права получают свое действие на общественные отношения, а субъекты правоприменения выражают волю законодателя в правоприменительных актах.

Нормы права, создавая модель правоприменения, выражают основные черты механизма принятия правоприменительных актов.

Само существование нормы направлено на то, чтобы предотвратить возникновение правоотношения. Но поступки, действия граждан или даже стихийное бедствие приводят в действие правовые нормы. Этот процесс начинается с момента оформления юридического документа и завершается исполнением последнего. Правоотношение, будучи элементом реализации нормы права, представляет вместе с тем и конкретное основание применения права. Сочетание указанных моментов – ключ к пониманию места правоотношения в механизме правового регулирования.

¹ Батталов Э. Сила власти // Известия. 1990. 27 нояб.

проявление «воли к власти» и подавление любой оппозиции «посредством перманентного террора»².

В целом же сложность изучения реализации права была связана с тем, что социалистическая государственность базировалась на марксовской концепции государства как теоретической системы (генезис историко-материалистического понимания государства (в этом, очевидно, есть спорность!); марксовых принципах исследования государства (классовый подход к функции материалистической диалектики в анализе государства); марксовом учении о государстве (государство как публично-властная форма организации классового общества, как революционной диктатуры пролетариата, как этап коммунистического строя)³.

В исследованиях государства и права исходными положениями признавались и ленинские указания относительно классовой сущности демократии и государства при диктатуре пролетариата под руководством Коммунистической партии. Отсюда замена государственной власти политической властью, а советского парламентаризма – диктатурой одной партии. Политизация правовых основ общества формировала остаточный принцип интересов личности. Она превращала право в инструмент подчинения и отчуждала государство от решения социальных проблем. Таким образом, государственное принуждение поддерживало не отвечающие социальным потребностям нормы права.

Отметим, что **раньше содержание правоприменения предопределялось тем**, что, во-первых, советскому законодательству в целом присущ классовый подход и императивно-репрессивный характер; во-вторых, огромная масса норм в той или иной жизненной сфере, разрозненных и слабо согласованных между собой, создана в разное время и с разными целями; в-третьих, многие приказы, положения и инструкции подменяли законы и противоречили нормам права; в-четвертых, наступил кризис Конституции, в ней не отражались формы государственного устройства, правления и осуществления политического режима; в-пятых, партия определяла экономические задачи с позиции «политической целесообразности», признавала «пра-

вильности» формирования государственной собственности, выбирала людей (сначала классовых врагов, затем инакомыслящих и кулаков, закрепляла посредственности граждан, извращала единства политики и нравственности. По замечанию В. Тишкова («Народы и государство»), причиной всему было то, что единство нашего Союза за время его существования основывалось скорее не на конституционно-правовых принципах, а на вере людей в социалистический идеал.

Действительно, коммунизм признавался формой действительно разрушения противоречий между свободой и необходимостью. Партией обосновывалась мысль о совпадении в социалистическом обществе общих и частных интересов. Социальная потребность в самопожертвовании будет такова, что нравственность (коммунистическая) органически войдет в саму структуру и способ мотивообразования, обуславливая возникающие в человеке чувства, побуждения, потребности, и потребует жертвы здоровья и личного счастья ради общего дела⁴.

Идеологическая функция государства по защите идеи жертв населения содействовала внедрению в сознание членов общества определенной системы политических, правовых, нравственных, этических, антирелигиозных, философских взглядов с расчетом на то, что идеологическими взглядами людей определяется их отношение к действительности, прежде всего, к существующему общественному и государственному порядку, правопорядку в целом.

Тоталитарная система была заинтересована во внедрении в практику «подлинно научного», марксистско-ленинского мировоззрения, представляющего мировоззрение рабочего класса – самого «передового» класса современности.

«Тоталитарной политической системой является такая, – пишет американский советолог А. Мейер, – в которой вся деятельность людей подчиняется политическим задачам и все человеческие взаимоотношения организуются и планируются». По мнению немецкого советолога Б. Майснера, тоталитарное государство характеризуется стремлением пронизать все общество и подчинить его отдельные части всеобъемлющему контролю и планированию со стороны партийного руководства. Основными чертами, характеризующими «тота-

² Хасбулатов Р.И. Бюрократическое государство. М., 1991. С. 86.

³ Мамут Л.С. К. Маркс как теоретик государства. М., 1979. 264 с.

⁴ Мораль: сознание и поведение. М., 1986. С. 123-124.

литарный тип государства», американский автор К. Фридрих называет: 1) существование в обществе одной официальной идеологии; 2) существование единственной политической партии; 3) крайне централизованный и бюрократический характер системы государственного управления; 4) абсолютная подчиненность всех общественных организаций и граждан, существующих в тоталитарном государстве, целям правящей партии.

Как видно, наше общество придает значение условиям организации государственной власти в ущерб реализации народовластия. Именно поэтому граждане не усматривают ничего отрицательного в том, что политизация правовых основ общества формирует остаточный принцип интересов личности, она отчуждает государство от решения социальных интересов, работников от собственности, гражданина от власти, личность от национальной культуры.

Главным признаком государства социалистического типа считалась власть рабочего класса, рабочего класса и беднейшего крестьянства, крестьянства и интеллигенции, а затем – общенародная власть. Поэтому специальными конституционными принципами ранее признавались: а) в сфере государственно-политической организации – единство политической системы социализма, полномочие Советов, сочетание федерализма и автономии; б) в сфере экономического базиса – государственная собственность на средства производства, планирование народного хозяйства, участие трудящихся в общественном производстве и распределении; в) в сфере социальной жизни – единство трудящихся классов, всех социальных слоев; г) в духовной сфере – единство марксистско-ленинской идеологии в строительстве коммунистического общества.

По справедливому замечанию В.А. Четвернина, важна институциональная форма современной государственности в развитом индустриальном и постиндустриальном обществе. Автор различает государственность и тоталитаризм. Сущность происходящих в современной России процессов он объясняет не как переход от «тоталитарной государственности» к демократической и конституционной, а как строительство реальной государственности. С этой точки зрения Российское демократическое конституционное государство (в смысле конституционного закрепления и практической реализации модели правовой государственности) будет иметь ряд особенностей в своей организации и деятельности на уровне национальной специфики, граждан-

ского общества, конституционных институтов с учетом: 1) российского варианта социализированного капитализма (социальность государства как рыночного хозяйства); 2) среднего класса, служащего социальной основой государства и обладающего общественной властью; 3) свободного предпринимательства в экономике; 4) социального правового государства; 5) конституционной юрисдикции как государства «государства судей»; 6) права этнонаций на политическое самоопределение.

Неразработанность уровней, этапов, форм, способов, механизмов, средств реализации государственной воли позволяла утверждать: 1) реализация норм права является способом проверки возможности правоприменяющих органов в осуществлении цели политических норм⁵; 2) для решения социальных задач от правореализующих субъектов необходимы широта политического кругозора, критичность, партийности в оценках общественных явлений; 3) одной из важнейших закономерностей развития советского государства является социальная эффективность различных государственных и общественно-политических институтов, системы общенародной социалистической демократии, субъектов политических отношений.

Отсюда условиями реализации государственной воли и норм права признавались: нецелесообразность расширения сферы правового регулирования; необходимость углубления регулирования тех видов общественных отношений, которые уже находятся в сфере воздействия законодателя; использование огромных возможностей и преимуществ социалистического строя. В то же время высказывались мысли о реализации государственной воли, норм права в зависимости от цивилизованной политической организации и идеологии общества, о познаваемости активно-творческой роли права в экономическом процессе, об одновременной перестройке хозяйственного механизма и правовой системы⁶.

Для обоснования последнего вывода государственная воля определялась с позиций осуществления субъективных прав в правоотношении и вне правоотношений; юридического факта как начального и

⁵ Тихомиров Ю.А. Проблемы активизации политических институтов // СГП. 1986. № 6. С. 19.

⁶ Маликов М.К. Проблемы реализации права. Иркутск, 1988. С. 6.

завершающего момента реализации права; обусловленности эффективности производства от человеческого фактора; гарантированности участия граждан в реализации политических интересов; реализуемости правовых норм в интересах граждан.

Причем такие цели правоприменения достигаются лишь при признании правоотношения, законности, правосознания, субъективных прав, юридической ответственности в качестве целостного механизма правореализации; одновременной реализации материальных и процессуальных норм права; зависимости эффективности реализации права от эффективности отдельных правовых институтов; единой цели правотворчества и реализации права; социально полезных действий правоприменителя.

Жизненная потребность требовала отказаться от укоренившегося за десятилетия идеологического догматизма, от изживших себя стереотипов во внутренней политике и устаревших взглядов на мировое развитие в целом. Одним словом, следовало бы отказаться от всего, что вело к изоляции социалистических стран в общем потоке мировой цивилизации, от понимания путей прогресса в форме постоянной конфронтации с социально иным миром.

Необходимость коренной перестройки в идеологии была обусловлена и тем, что социально-экономические задачи решались такими способами планирования, денежного обращения, материального снабжения, технико-экономическими расчетами, которые по существу были разорительными. По признанию ученых, они свидетельствовали об отставании нашей науки от мирового развития⁷.

По выходу из кризиса и созданию новой системы правоприменения не было и нет единства взглядов.

Высказываются вполне обоснованные предложения по обновлению и развитию духовной жизни общества на основе новой модели общественного устройства и «общественного договора» между государством и предпринимательскими структурами, общественными организациями и гражданами с учетом социальных механизмов, причин патологии государственности и общественного сознания.

Также существует мнение о том, что «... не пережив момента истины, не обретя адекватного самосознания, общество не в состоянии реально влиять на процесс собственного развития». С. Платонов

⁷ *Фадеев В.* Изоляция не приносит пользы // Коммунист. 1989. № 18. С. 52.

вполне справедливо считает, что «диалог» с представителями отечественных общественных наук есть бессмысленная трата времени, что при существующих обстоятельствах любые «резкие движения» приведут лишь к неконтролируемым нами деструктивным процессам, что наше фатальное отставание в понимании сути гражданского общества приведет к неспособности управлять процессом государственного строительства. По мнению В. Коваленко, С. Шапошникова, В. Кудряцева, социально-психологическими факторами, способствующими ухудшению властоотношений, являются: 1) низкая общая культура работников и руководителей; 2) социальная, групповая, национальная нетерпимость; 3) излишняя самоуверенность, тщеславие; 4) карьеризм; 5) низкий самоконтроль; 6) неисследованность «модели» социального конфликта. Эти мысли соприкасаются с суждениями Н.А. Бердяева, Г.В. Плеханова относительно русского характера, менталитета⁸. По определению Д.С. Лихачева, русский менталитет характеризуется «преобращением своими интересами во имя справедливости», а по признанию В.Н. Синюкова, «исторической связанностью с коллективизмом крестьянской общины и общинным земледелием».

Различные суждения государствоведов, философов и ученых можно понять, потому что «цель и система – это не просто совокупность единиц, в которой каждая единица подчиняется законам причинно-следственных связей, а единство отношений»⁹.

В плане «единства» отношений специфика взаимной ответственности между государством и личностью состоит в том, что государство выступает как носитель власти, а гражданин – как субъект, подчиненный политическому авторитету власти государства. Специфика определяет и своеобразие прав и обязанностей каждой из сторон, которые не являются однопорядковыми субъектами правовых отношений.

На современном этапе реализация государственной воли определяется изменением административной системы, формированием правовой и рыночной экономики, утверждением интересов общества,

⁸ *Mentalite фр.* – (склад ума, мировосприятие) – состояние уровня и направленности сознания (индивидуального и группового), его способность к освоению норм, принципов и ценностей жизни, адаптации к условиям социальной среды, воздействию на нее, к воспроизводству опыта предшествующих поколений.

⁹ *Блауберг И.В., Юдин Э.Г.* Становление и сущность системного подхода. М., 1973. С. 61–64.

региона, личности в рамках правовой системы Российской Федерации и ее субъектов. Тем не менее, важным методологическим требованием является то, что при дальнейшем изучении различных аспектов реализации государственной воли посредством норм права следует учесть накопленные представителями различных отраслей права определенные знания о понятии реализации права, сущности правоприменительной деятельности, ее месте в реализации принципов общественного строя.

Согласно Конституции Российской Федерации 1993 года, классификацию принципов можно провести: а) по основаниям непосредственного действия Конституции (верховенство Конституции, единство власти, власть права); б) по основаниям предмета конституционного регулирования (суверенность Российской Федерации и ее субъектов, добровольность, равноправие субъектов в рамках Российской Федерации, единство интересов Российской Федерации и ее субъектов); в) по основаниям общественного устройства (различные формы собственности, полновластие народа, политическое и идеологическое многообразие, равноправие народов и свободное развитие всех наций в Российской Федерации, правовое государство (разделение властей, взаимная ответственность государства и граждан, приоритет прав граждан); г) по основаниям государственного устройства (федерализм, суверенность и равноправие народов (наций), всеобщность избирательной системы, федеративное национально-территориальное устройство, демократичность и гласность формирования органов власти Российской Федерации и ее субъектов); д) по основаниям осуществления функции органов власти (верховенство представительных (законодательных) органов Российской Федерации и ее субъектов, осуществление компетенции республик высшими органами государственной власти и управления, сочетание субъекта государственной власти и форм осуществления государственной власти).

Характерно то, что **в основе правоприменения лежит принцип народовластия**, который определяет формы непосредственно осуществления народом государственной власти; методы деятельности органов государственной власти и местного самоуправления (ст. 3 п.2); конституционные основы экономических (ст. 8), социальных (ст. 7), политических (ст. 13) отношений; гарантии народовластия и конституционный механизм его действия (ст. 17-64); правовые осно-

вы граждан (ст. 6); конституционные принципы государственности и самоуправления (ст. 16, 66, 80, 102, 103, 110, 118, 130 Конституции РФ).

Отсюда вытекает вывод, что объекты и предметы правоприменения характеризуются общими признаками. Общее для них – деятельность субъектов (участников) конституционных правоотношений между государством и гражданами оценивается как результат действия объективных (экономических, политических, социально-правовых, идеологических, социально-юридических) условий и субъективных (профессиональный уровень, личностные стремления, желания и психология людей) факторов.

Предмет и объект (а в отдельных случаях предмет и метод **правоприменения любого государства определяются**, во-первых, учреждением общих институтов государственной власти, собственности; во-вторых, закреплением принципов и целей деятельности субъектов конституционного регулирования. Здесь предмет и объект (собственно предмет и метод) отождествляются, и существо объекта (предмета) правового регулирования определяется единством основ организации функционирования общества, государства, коллектива и личности, а также их взаимосвязями на базе сочетания их коренных интересов.

Важной особенностью правоприменения является изменение политической основы государства. Если раньше таковыми были Советы народных депутатов, то теперь «народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления».

Социально-правовое значение правоприменения выражается в достижении цели государственной политики, в осуществлении полномочий субъектов законодателя и правоприменителя, в претворении в жизнь воли законодателя, в промежуточности процессуальных средств в реализации права, в исполнении законов законодательными, исполнительными и судебными органами РФ и ее субъектов. Это связано с тем, что источники конституционного права преобразуют общественные отношения в экономические, политические, идеологические и правовые отношения.

Таким образом, **социальное назначение правоприменения и источников конституционного права вытекает из нормативности и определенности государственной воли**, социально-политической направленности воли законодателя, принципов регули-

рования общественных отношений, способов и форм реализации государственной воли субъектами конституционно- (государственно-правовых отношений).

Социальное назначение государственной власти (ст. 7) заключается в упорядочении общественных отношений в соответствии с интересами (преамбула Конституции РФ), волей (ст. 2) и целями народа (ст. 3). Данная функция государственной власти выражается в управлении общественными делами (ст. 3 п. 1, 2, 3 Конституции РФ), направлении деятельности государства (ст. 8) и в механизме демократии (ст. 10 Конституции РФ, ст. 7 Конституции РБ).

Характер правоприменения определяется и социально-политическим смыслом разделения властей. Значение этого принципа выражается в предотвращении деспотизма и произвола, недопущении злоупотребления властью и ее узурпации как необходимой предпосылки эффективного правления, обеспечения правового порядка и правовой законности. Не менее важное значение имеет принцип разделения властей в качестве действенной гарантии неукоснительного соблюдения основных прав и свобод человека как средства уравнивания различных классовых, групповых и личных интересов, разрешения объективно существующих социальных противоречий (ст. 3, 12, 15, 76, 104, 105, 118, 120, 129 Конституции РФ).

Федеративный характер государственности и правоприменения определяется многоуровневыми свойствами конституционно-правового регулирования. Наличие двух видов конституций – Конституции Федерации и конституций республик обуславливает существование соответственно двух уровней конституционного регулирования, следовательно, двух уровней правоприменения. Особенности регулирования на каждом из них определяются пределами компетенции Федеративных и республиканских органов. Каждый из двух уровней представляет собой относительно автономную сферу конституционно-правового воздействия, выполняет собственные функции в регламентировании того или иного комплекса общественных отношений. Вместе с тем уровни образуют согласованную систему с четко выраженными Федеративными договорными связями. В результате конституционное регулирование выражает то общее, что присуще регулированию общественных отношений в масштабе Федерации и то, что свойственно уровню республиканской государственности.

Во всех конституционных основах правоприменения предусмотрены: а) конкретность адресата, т.е. распространенность на неопределенный круг лиц (ст. 97 Конституции РФ); б) возможность неоднократного применения предписания (ст. 32); в) сохранение действия предписания независимо от его исполнения (ст. 132). Указанными признаками обладают и конституционные принципы Республики Башкортостан. Им присуща номинальная степень обобщения государственной воли народа.

Достижение цели норм права осуществляется тем, что, во-первых, только государство как официальный представитель общества должно вырабатывать и проводить в жизнь определенную экономическую политику в масштабе всей страны. Во-вторых, только государство обладает таким универсальным средством управления делами общества, как законодательство, и в силу этого способно регулировать отношения собственности, в том числе устанавливать общеобязательный правовой режим этих отношений, определять ограничения статуса собственника, формировать общие принципы регламентации имущественных отношений, закреплять правовые основы функционирования рынка и т.д. В-третьих, государство аккумулирует в своих руках (через государственный бюджет) средства для обеспечения национальной экономической безопасности и охраны окружающей природной среды. В-четвертых, государство располагает специальным аппаратом охраны и защиты институтов собственности, обладает монополией на осуществление принуждения в этих целях.

Легитимация государственного принуждения может быть подтверждена данными общественного мнения, проведением репрезентативных опросов, голосованием, общегосударственным и местным обсуждением и т.д. Однако принципиально важно установить, насколько государственное принуждение (его меры, относящиеся к обществу в целом или к определенным группам) соответствует интересам общества (причем не только его большинства, но и целям охраны прав меньшинства), сочетается с общечеловеческими ценностями. К тому же методы индикации легитимности государственного принуждения требуют осторожной оценки. Известно, например, что референдумами «освещались» гитлеровские захваты чужих территорий. Небесспорны и опросы общественного мнения, где имеется широкий простор для профессиональных подтасовок, которые порой трудно выявить, да и результаты их нередко оказывались противополож-

ными происшедшему. Легитимация такими общественными действиями, как выборы, также требует тщательного анализа.

На характер правоприменения влияют и системы преодоления социальных противоречий.

По определению В.Е. Чиркина, в постсоциалистических государствах существуют крупные силы, в руках которых сосредотачиваются реальные рычаги политической власти либо непосредственно, либо путем решающего давления на государственную власть. Это: 1) прежняя центральная номенклатура, во многом изжившая свой облик; 2) слой чиновничества, наделенный полномочиями решать вопросы по усмотрению, но в рамках закона; 3) «новая буржуазия», в том числе из среды мафиозных группировок; 4) региональная старая и новая номенклатура, умеющая вырвать себе привилегии у центральной власти¹⁰.

В плане концептуальных основ реализации права представляют интерес следующие задачи перестройки, определенные Дж. Бейкером ещё в 1990 году.

Первое. Прежде всего ключом к успеху является реформа рыночных цен. Введение рыночных цен представляет собой важный шаг в направлении достижения конвертируемости рубля – условия, необходимого для установления эффективного, соревновательного взаимодействия с международной экономикой.

Второе. Есть убедительные основания считать, что реформа цен не может состояться до тех пор, пока Советский Союз не стабилизирует стоимость рубля. Большой дефицит, покрываемый эмиссией банкнот, и огромные массы бумажных денег, гонящихся за товарами, которых в стране мало, привели советских граждан к тому, что они предпочитают приобретение реальных ценностей накоплению обесценивающихся рублей. В СССР называли эту проблему необеспеченностью рубля. Меры для уменьшения количества излишних рублей включают в себя продажу находящихся в государственной собственности ценностей, таких, как квартиры, оборудование и земля, выпуск ценных бумаг с положительным процентом прибыли с учетом инфляции и, возможно, импортных потребительских товаров с существенной прибылью. Значительные советские золотые запасы

также могут быть использованы для поддержания курса рубля или государственных облигаций.

Советскому Союзу придется сопровождать эти шаги в области денежного обращения финансовыми ограничениями, чтобы избежать возникновения нового, чрезмерно большого количества рублей в обороте. Ограничений в расходах можно добиться путем сокращения субсидий фирмам, расходов на оборону, затрат на широкомасштабные показательные проекты и военную помощь иностранным партнерам. Повышение производительности, особенно в сельском хозяйстве, может также привести к сокращению государственных расходов. Наоборот, ставка на высокие налоги помешает развитию деловой инициативы.

Третье. При отсутствии микроэкономических реформ в управлении промышленностью посредством рыночных цен меры по макроэкономической стабилизации окажутся недостаточными. Предприятия и кооперативы должны свободно конкурировать друг с другом. Монополиям должен быть положен конец. Государственный контроль не должен мешать появлению и исчезновению конкурентов. Ресурсы должны распределяться по требованию рынка, а не по указанию центральных органов планирования.

Четвертое. Верховный Совет должен в законодательном порядке легализовать определенные имущественные права. В то время как идеология может воспрепятствовать упоминанию частной собственности, можно на время ввести другие формы, такие, как передаваемая и долгосрочная аренда. Если советские граждане не уверены в своих правах на собственность, стимул получения прибыли может привести к непроизводительной эксплуатации и изъятию денег из вложений.

Пятое. Советский Союз должен будет проявить осторожность при замене разверстки и директив в области производства на налогообложение и меры по регулированию экономики. Парадокс состоит в том, что децентрализация политического контроля над экономикой может позволить местнической неприязни по отношению к прибыльной деятельности вылиться в ухудшающий контроль и налогообложение.

Шестое. Советскому Союзу понадобится разработать страховочный механизм, чтобы защитить тех, кто не справляется сам с изменяющейся экономической ситуацией. Например, конкуренция в промышленности, скорее всего, потребует страхования на случай потери работы и введения программ профессионального перепрофили-

¹⁰ Чиркин В.Е. Переходное постсоциалистическое государство: содержание и форма // Государство и право. 1997. № 1. С. 8.

рования. Понадобится закон о банкротстве, который позволит осуществлять перестройку или ликвидацию прогоревших предприятий. Если предприятия освободить от непомерной обузы по поддержанию многочисленных социальных услуг, правительство должно будет поощрять новых создателей социальной защищенности.

Действительно, подобно удару молнии, «ветер перестройки» опять разбудил наш дремлющий «революционный» дух. «Вдруг» каждый из нас «понял», что свобода, определенная государством, и свобода, гарантированная обществом, – разные явления. При государственной «свободе» государство формирует общество в виде политизированного государства. При личной свободе в сочетании с экономической гарантией общество развивается на взаимной ответственности государства и личности; таким образом общество формирует государство как элемент гражданского общества.

Практика показывает, что при нерешенности задачи о взаимовыгодности общества и государства общество постепенно утрачивает качество целостности, хотя в нем имеются конституционные институты. Исчезают системообразующие связи и отношения. Общественные структуры управления государственными и общественными идеалами подверглись интенсивной эрозии. Присвоение материальных благ, связанное с владением собственностью, перестало быть исключительно прерогативой государства. Появилась тенденция к повышению меры присвоения во всех трех сферах управления собственностью: в непосредственно государственной, в сфере частного оборота и особенно в пограничной зоне, благодаря которой государственность превратилась в источник частного капитала. А ограничение инициативы руководителей предприятий, недостатки в организации управления экономикой порождают скрытый механизм взаимоотношений различных хозяйственных подразделений, устанавливаемых помимо плана. Этот механизм, условно названный Т.И. Заславской «теневой экономикой», существенно нарушал установленный законом порядок экономических связей¹¹.

Следует подчеркнуть, что самостоятельные стороны и социальные признаки реализации права с достаточной полнотой раскрыты в литературе.

¹¹ Заславская Т.И. Экономическое поведение и экономическое развитие // Экономика и организация промышленного производства. 1980. № 3. С. 29-30.

В современном мире насчитывается около 200 государств, соответственно столько же **типов правоприменения**. Их классификация возможна по самым различным основаниям: 1) по социальным признакам (характер государственной власти); 2) по форме (способу) организации; 3) по видам государственного режима (методам осуществления государственной власти); 4) по способу возникновения (революция, соединение государств и образование нового единого государства, разделение государства на несколько новых) и т.д. Наряду с этими делениями, а также в их рамках существуют множество градаций. Широко распространена классификация государств преимущественно с позиций политического (государственного) режима. В ней выделяются демократические, авторитарные, тоталитарные государства.

В качестве базовых критериев различения концептуальных основ государств и сравнительного правоприменения можно выделить и по функциональной роли государства – управляющие, организующие, регулирующие, подавляющие, и по способу политического участия граждан – тоталитарные, авторитарные, либерально-демократические, реакционные, самоуправленческие, и по степени правового опосредования – внеправовые, квазиправовые, переходно-правовые, правовые, и по форме государства и форме правления, по устройству государственной власти¹².

В целом же **предметом регулирования публичного права являются**: 1) устройство и функционирование государства и его институтов; 2) институты гражданского общества, включая самоуправление; 3) основы правовой системы, правотворчества и правоприменения; 4) механизм регулирования межгосударственных отношений, согласования национальных законодательств и международного права; 5) юридические режимы и приоритеты международных норм.

В соответствии с различными направлениями, концепциями, теориями государства реализации права можно определить с позиции легализованного насилия диктатуры одного класса (или группы классов), приоритетов прав, т.е. правовое государство, социальных оснований (социальное государство), «национальной государственно-

¹² Тихомиров Ю.А. Государство на рубеже столетий // Государство и право. 1997. № 2. С. 27.

сти», «демократического конституционного государства», «постсоциалистического государства».

Отсюда вполне понятно стремление ученых по объединению двух тесно соотносимых концепций: во-первых, понятие государства как правовой организации публичной политической власти; во-вторых, понятие индустриального и постиндустриального общества, в которых имеются сферы правоприменения гражданского общества на основе свободного социального обмена.

В этом плане небезынтересна трактовка «российского федерализма и современного национально-государственного нигилизма». Э.В. Таведосян считает, что демократическая национальная государственность – это национальная (этническая) государственность; это государственность не только той нации или народности, которая дана для данной республики или автономии, но и всех других национальностей, проживающих на ее территории; это часть многонационального народа». Автор вполне обоснованно не разделяет предложение Русского национального государства. Национальное в государственности народов России он находит: а) в построении государственности на базе этнической территории; б) в обеспечении представительства данного народа в органах государственной власти и управления; в) в закреплении его родного языка в качестве государственного языка; г) в применении федеральных законов с учетом национальных особенностей. Они и формируют основу правоприменения.

Современная юридическая наука и теория правоприменения создали основы регулирования: *власти народа*, которая выражается в нормах, закрепляющих общественное устройство (последнее есть воплощение полновластия народа); *власти права*, которая выражается в нормах, закрепляющих принципы общественного и государственного строя; *власти государства*, которая выражается в нормах, закрепляющих формы государственного устройства; форм осуществления государственной власти в Российской Федерации и ее субъектах. В изучении роли государственной власти, власти народа и права использованы и общие основания политической деятельности, власти и морали, ибо они предопределяют характер и формы реализации норм права.

В этой связи выделяются отношения собственности, управленческие отношения, правовые отношения, складывающиеся при регулировании как экономических, так и управленческих отношений.

В нем государство и другие субъекты правоприменения рассматриваются как элементы социальной системы (скажем: государство – социальное образование; государство – ячейка социальной системы; государство – средство управления; государство – социальная ценность), которые взаимодействуют со всеми видами власти (политической, государственной, социальной, экономической и др.).

Согласно этим признакам, реализация права признается как элемент будущего гражданского общества по руководству, управлению и координации волевых действий людей. Проявляясь в них, государственная власть ведет к установлению таких отношений, в которых она выступает как высший авторитет, добровольно или вынужденно признаваемый всеми членами социального общества, сложившегося на данной территории. Властное руководство предполагает, с одной стороны, возможность носителей властных функций определять поведение людей, с другой – необходимость подчинять свое поведение властному повелению.

Такая двуединая задача государственной власти связана с **осуществлением принадлежащей народу государственной власти**, под которым понимается: 1) непосредственное выражение народом его государственной воли и придание ей общеобязательного характера; 2) создание (например, посредством выборов) органов государственной власти, выражающих волю народа и придающих ей общеобязательный характер; 3) принятие (например, участие депутатов) органами государственной власти актов (например, по результатам наказов избирателей), выражающих волю народа; 4) образование органами государственной власти органов, исполняющих эти акты, руководство их деятельностью и контроль за ней; 5) принятие органами государственной власти мер, обеспечивающих исполнение изданных ими актов.

Отнесение осуществления принадлежащей народу государственной власти к основам правоприменения объясняется волей государственно-организованного народа и официально провозглашаемого государственного суверенитета. По существу, народ определяет степень юридической силы правовых актов, которые обеспечиваются при необходимости государством (п. 3. ст. 21 Всеобщей декларации прав человека).

Придание правоприменению роли связующего звена между конституционно-правовыми и государственно-правовыми отношениями

позволяет выделить «конституционные действия» государственных органов в реализации государственного (народного, национального) суверенитета в соответствии с конституционными принципами.

На структуру реализации права влияют также нетипичные ситуации правоприменительного процесса как в Российской Федерации, так и в ее субъектах.

Как показывает практика, в процессе действительного народо-властия (история знает различные формы его проявления) конституционные нормы, принципы, институты могут приносить положительные результаты. Значит, воля законодателя (народа), ставшая государственной волей, отражает социальные интересы в конституционном развитии. Оставление без внимания интересов граждан вряд ли будет способствовать определению нормативной концепции правоприменения, так как несовпадение социальных целей с полученными результатами воздействия конституционных норм свидетельствует о наличии в обществе скрытых, внутренних причин и законов, которым подчинены определенные факторы общественной жизни.

7.2. Понятие эффективности правоприменения

Сложность определения понятия эффективности правоприменительных актов обусловлена различными факторами концептуального и дефинитивного характера. В частности, до сих пор существует различное толкование самого понятия эффективности.

Представители различных наук эффективность связывают с количественными качественными показателями, средствами, признаками, условиями, целями, задачами и принципами управления. При этом цели правового регулирования, средства их достижения и достигнутые результаты признаются компонентами эффективности¹³.

¹³ Петрухин И.Л., Батуров Г.П., Моршаклова Т.Г. Теоретические основы эффективности правосудия. М., 1979. С. 204-261; Пашкевич П.Ф. Процессуальный закон и эффективность уголовного судопроизводства. М., 1984. С. 18, 36; Кудрявцев В.Н. Эффективность закона как средства осуществления уголовной политики // Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975. С. 33; Самощенко И.С., Никитинский В.И. О понятии эффективности правовых норм. М., 1969. С. 8-11; Пашиков А.С., Четот Д.М. Эффективность правового регулирования и методы ее выполнения //

Выступая как совокупность внутренних и внешних противоречивых моментов (сложность установления доказательств и формирования доказательственной информации), связей и отношений деятельности органов правосудия и исправительно-трудовых колоний, трудовых коллективов, эффективность приговора выражает его общую определенность по отношению к множеству разнообразных форм проявлений целей уголовной юстиции.

Соответственно, под эффективностью приговора суда следует понимать положительные последствия судебных (следственных) действий субъектов уголовно-процессуального правоотношения и способность (номинальная, реальная) приговора воздействовать на общественные отношения и характер личностей в желаемом направлении.

Бесспорно, в данном определении не охвачены все стороны эффективности правоприменительных актов. Но в нем показана первичность средства достижения целей правового регулирования.

Глубина и сложность эффективности правоприменения в юридической литературе еще не осмыслена в должной мере.

И.Л. Петрухин, анализируя три основных подхода к определению понятия «эффективность», пишет: «Источник наших расхождений с этими авторами состоит в следующем: мы понимаем под эффективностью социальной системы (подсистемы) достижение ею полезных целей, тогда как упомянутые авторы включают в это понятие и наиболее совершенные средства достижения целей».

Критикуя концепцию эффективности по количественным показателям И.Л. Петрухина, П.Ф. Пашкевич утверждает, что «понятие эффективности уголовного судопроизводства нельзя рассматривать иначе, как частное (особенное) по отношению к общепризнанному понятию эффективности, которое воплощает в себе организмическое единство целей и средств».

Анализ работ, посвященных эффективности правоприменения, позволяет выявить три основных направления к определению эффективности приговора.

СГП. 1965. № 8. С. 3; Самощенко И.С., Никитинский В.И. Цели правовых норм – масштаб оценки их эффективности. М., 1969. С. 38-41; Тихомиров Ю.А. Проблемы эффективности работы управленческих органов. М., 1973. С. 40-43; Афанасьев В.Г. Научное управление обществом. М., 1973. С. 296-307; Эффективность правовых норм. М., 1980. С. 40-43.

В основу первого направления положена идея о самостоятельной эффективности приговора как правоприменительного акта.

Представители второго направления отрицают самостоятельную эффективность приговора. По их мнению, «следует иметь в виду, что приговор – акт правоприменительной деятельности, а неуклонное исполнение норм, адресованных правоприменителю, характеризует не эффективность правоприменительных актов, а такое их свойство, как качество».

Но следовало бы оценить деятельность правосудия с точки зрения качественной определенности, а содержание приговора – по эффективности разрешенных вопросов обвинения.

Третье направление выражает концепцию качественной эффективности уголовного судопроизводства как совокупность эффективности деятельности органов правосудия, применения норм права и приговора.

Конструирование Т.Г. Моршаковой и И.Л. Петрухиным понятия эффективности правосудия в отрыве от самостоятельной эффективности приговора весьма спорно с точки зрения качественной основы правоприменения.

Подчеркивая положение о важности учета реальных результатов деятельности судов, они правильно отмечают, «что вынесение судебного приговора обеспечивает охрану определенных общественных отношений». Тем не менее впоследствии в категорической форме утверждают: «Попытка выделить и исследовать эффективность приговора как отдельного правоприменительного акта, предпринятая М.Ф. Маликовым, представляется теоретически необоснованной и практически бесполезной».

Следует отметить, что, во-первых, исследование эффективности приговора как отдельного правоприменительного акта впервые было проведено В.В. Лазаревым и им же теоретически доказана относительно самостоятельная эффективность приговора. Во-вторых, как показывает практика, многочисленные сообщения в печати и результаты анкетирования осужденных, неучет практических правовых последствий приговоров приводит к нарушениям законности и ограничению свободы, о котором говорит сам же И.Л. Петрухин¹⁴.

¹⁴ Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М., 1985. С. 10-11.

Номинальная способность приговора, формируемая нормами права и действиями должностных лиц, направлена на реализацию конкретных санкций закона, а реальная способность приговора выступает измерителем достижения цели правосудия. Такое соотношение признаков ценностной определенности приговора объясняется необходимостью определения действенных средств реализации судебных решений.

В этом плане особое значение имеет раскрытие свойства эффективности приговора с точки зрения действия различных его аспектов: как решения суда, процессуального документа, коллегиального правоприменительного акта, средства разрешения предъявленного обвинения.

Только при совокупности этих элементов целесообразно учесть способность приговора оказывать положительные изменения в общественной жизни; наступившие результаты воздействия приговора на сознание граждан; возможности приговора в восстановлении нарушенных прав (например, при оправдании невиновного) и т.п.

По структуре эффективности приговора – комплексная категория, а по содержанию – оценочная, потому что исходное (например, поведение осужденных) сравнивается с достигнутыми результатами.

Под **действием приговора** следует понимать не только разное воздействие его резолютивной части на социально-экономические, политические, идеологические и другие отношения, но и постоянно действующий фактор всех частей приговора на воспитание одновременно. Действие приговора выражается в регулировании противоречий между личностными и общественными интересами. Чем больше цели правосудия впитывают в себя объективно оправданные социальные требования общества, тем в большей степени повышаются действенность и результативность судебного приговора.

При этом «действие» приговора выражается в определении социально целесообразной установки, ориентации следовать определенным образом в конкретных случаях и т.п. Оно формирует у виновного (и не только у него) критическое отношение к действительности, выбор и оценку индивидуального решения. Правда, среди ответов на вопрос, влияет ли приговор на правовое сознание, есть и такое утверждение осужденных, что моральные и правовые нормы только мешают им жить: то нельзя, туда не ходи, это не делай. Следовательно, они хотят «абсолютную свободу». Однако при этом не учитывается то, что свободу нельзя свести к вседозволенности, что развязанность таких «свободных» людей лишает свободы других людей, ставит в

рамки, произвольно расставленные этими личностями. Не понимают они и того, что в условиях вседозволенности они сами тоже могли бы стать объектом демонстрации «раскованности» со стороны любого «свободного» человека и тут же с горечью убедились бы в порочности своей «теории».

Результаты изучения действия приговора показывают, что отрицательное отношение к требованиям закона и морали создает особый микроклимат, атмосферу всепрощения и круговой поруки. Известно, что закон регулирует только те общественные отношения, на которые надо оказать именно юридические воздействия. Законные требования – это не «давление» на личность (может быть в определенных случаях и давление в отношении кого-то в чем-то!). Правовые нормы не вмешиваются в те сферы нашей жизни, где без ущерба для интересов других и общества в целом человек может действовать по своему усмотрению (конечно, сообразуясь с требованиями общественного мнения). Но, что попадает под закон, неизбежно, ибо, по определению К.Маркса, «закон должен основываться на обществе, он должен быть выражением его общих, вытекающих из данного материального способа производства интересов и потребностей...»¹⁵. Поэтому результаты действия приговора могут выражаться в осознании осужденными сущности нормативных запретов, овладении ими идеями права как ценностных категорий, превращении моральных знаний в убеждения и т.д. А привычное соблюдение моральных и правовых норм свидетельствует об исправлении и перевоспитании личности в целом, следовательно, оно означает достижение положительных последствий приговора.

Представляется весьма спорным высказывание о том, что невозможно «отграничить эффективность приговора от эффективности правовых норм и правоприменительной деятельности, от эффективности различных видов уголовного наказания и исправительно-трудового воздействия на осужденных и даже от эффективности всей системы мер борьбы с преступностью».

Понимая под эффективностью приговора «свойство действия комплексных решений» и «силу их действия», имеем в виду и реализованную (в момент постановления приговора) и реализуемую (в мо-

мент исполнения приговора) цели правосудия во имя осуществления задачи уголовного процесса и исправительно-трудовых учреждений. В силу того, что «эффект как действительный результат, следствие чего-нибудь, а эффективный – как дающий эффект, приводящий к нужным результатам, действенный, то есть способный этот результат создать», существующие соотношения законности и эффективности приговора можно рассматривать по двум направлениям.

Первое предполагает деление цели на подсистемы (например, цели уголовного права, уголовного процесса, цели правосудия и др.), которые дают примерно однородные результаты. Появляется возможность в рамках такой подсистемы оценивать эффект приговора измерителем одной данной подцели. Такой подход применяется, прежде всего, к мерам наказания, ориентированным на достижение цели исправления и перевоспитания.

Недостаток указанного способа – отсутствие методов объективного соизмерения разнородных целей – не позволяет разработать однозначные мерилы оценки многоцелевых приговоров и объективные методы распределения решения суда между подсистемами, преследующими различные цели. Поэтому задача распределения процессуальных действий между органами предварительного следствия и правосудия, правосудия и ИТК, ориентированными на экономические, социальные, процессуальные, воспитательные и иные цели, решающими различные подцели, не могут быть решены строго объективно и отнесены только к эффективности или же неэффективности приговора по конкретному уголовному делу.

Второе направление оценок эффекта приговора и эффективности правосудия выражается в соизмерении различных целей и разнородных результатов и в получении комплексных оценок. Оценочным показателем в данном случае выступает процессуальная эффективность, которая формируется законностью, обоснованностью и мотивированностью приговора. Однако, как отмечалось ранее, результаты воздействия приговора необходимо обнаружить не только в сфере юридических отношений, но и в сфере отношений неюридического характера.

Диалектическое сочетание общего и отдельного дает эффективность приговора всегда конкретный, индивидуальный характер. Во-первых, индивидуальная уголовно-правовая эффективность приговора (например, наказание, возмещение ущерба) является базовой по отношению к критериям эффективности приговора. Во-вторых, об-

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 259.

щая эффективность приговора (например, отсутствие рецидива, устранение фактов нарушения законности и т.п.) формируется из конкретных показателей эффективности и выражается в социально-правовых результатах.

При определении эффективности приговора, поставленного как в подобных обстоятельствах, так и в нормальных условиях, учитываются все его последствия (в том числе и отрицательные) для того, чтобы вычленил положительную эффективность приговора. Поскольку, как отмечалось выше, условия вынесения приговора оставляют определенный отпечаток на его содержании, при определении эффективности приговора в совокупности должны учитываться комплексные цели и результаты.

Представляется не совсем оправданным отнесение к эффективности приговора лишь тех последствий, которые «осязаемы, не многозначны и поддаются учету». Вполне допустимо, что последствия, не поддающиеся сегодня, будут доступны для анализа в последующие годы. Ведь приговор суда является актом применения права, единым процессуальным документом и коллегиальным решением по сложным вопросам общественной и личной жизни граждан. Значение приговора выходит за пределы тех отношений, которые нашли освещение в решении суда. Материальные последствия приговора проявляются в различных сферах жизни и, в первую очередь, в самом объекте воздействия по поводу приобретения или пользования материальными и другими благами, несения им юридической обязанности.

В юридической литературе подмечено, что «в социальном плане правовая система характеризуется единством нормы и поведения, сознания и деятельности; нормы и учреждений; социальной эффективности и ценности». По-видимому, эффективность приговора следует определить и на основе юридического механизма действия права.

Как видно, между ценностью, полезностью и эффективностью существует различие. Оно выражается в отражении в приговоре причинно-следственного явления (ценность), в реализации цели правосудия в приговоре (полезность), в оказании положительного воздействия приговора на общественные отношения (эффективность).

Как ценность, так и полезность приговора способствуют формированию его эффективности в социализации личности путем создания системы личностных ориентаций (нравственного воспитания), развития общественной активности осужденных и других граждан (обеспечение дисциплины и самодисциплины).

Данные, полученные по итогам изучения эффективности судебных приговоров, убедили нас в том, что в социально-правовом и морально-психологическом значениях важно выделить степени достижения социальных, правовых, нравственных, экономических и организационных последствий приговоров. Поэтому приговор суда может подвергаться самостоятельному исследованию и с точки зрения его качества разрешенных вопросов факта и права, гражданского иска и наказания.

Как показали результаты изучения приговора, качество приговора складывается на основе решений суда. Но эффективность реализации приговора во многом зависит от наиболее оптимальных условий, созданных для достижения целей правосудия и приговора. Практика подтвердила необходимость разделения осужденных на отдельные группы в целях предупреждения отрицательного влияния наиболее опасных преступников на менее опасных, создания более рациональной системы пенитенциарных учреждений, индивидуального применения средств и методов исправительно-трудового воздействия, создания условий для исполнения наказания по отдельным категориям уголовных дел.

Эти обстоятельства позволяют прийти к выводу: действие приговора направлено как на поведение, так и на создание определенных условий для воздействия на сознание людей путем определения в приговоре срока наказания и вида ИТК. Поскольку на поведение личности (первый фактор) влияют социально-экономические, политические, идеологические, правовые и морально-ценностные требования, постольку созданные условия для изменения сознания личности (второй фактор) должны соответствовать этим требованиям. Однако отсюда не следует, что реальная ценность приговора всегда реализуется в полном объеме.

Что касается степени результативности приговора, может быть и так, что в отношении осужденного достигается положительное его влияние, хотя далеко не полное. Например, по указанным категориям дел в отношении 22,7% осужденных не определено дополнительное наказание, хотя с учетом тяжести совершенного преступления и личности следовало бы определить им и такие меры наказания, и строгие виды режима ИТК. Несмотря на несоразмерность меры наказания, правильно избранный метод воспитания в местах лишения свободы может способствовать тому, что осужденные встанут на путь исправления, если даже после отбывания наказания они окажутся в неблагоприятных условиях.

Эти данные еще раз свидетельствуют о возможности вычленения эффективности приговора из эффективности видов уголовного наказания и исправительно-трудового воздействия на осужденных. Однако сказанное не означает, что результативность приговора главенствует над действием приговора или же наоборот. И действие (ценность) приговора, и его результат воздействия (эффективность) работают в одном направлении, при одновременном выражении различных проявлений элементов приговора.

В модели определения эффективности приговора могут быть следующие самостоятельные подсистемы: основание эффективности; виды; показатели эффективности.

Исходя из вышеизложенного под эффективностью применения права следует понимать как совокупность положительных действий субъектов правоотношения (процессуальная эффективность), так и способность правоприменительных актов удовлетворять социальные и юридические потребности общественного развития (материальная, восстановительная эффективность). **Эффективность применения права** – это объективный показатель одновременного воздействия деятельности должностных лиц и правоприменительных актов на социальные и поведенческие отношения в желаемом направлении.

Определение эффективности правоприменения не решено еще окончательно. В силу необходимости создания теории эффективности, на основе которой можно было бы внедрить в практику общесоударственную систему изучения эффективности законодательных актов и принимаемых управленческих решений, ею занимаются представители различных наук. В настоящее время задача изучения эффективности правовых норм и соответственно правоприменительных актов состоит в отыскании новых закономерностей общественного развития и соответственно в выяснении степени достижения социальных целей, которые имелись в виду при издании соответствующих норм.

Конкретное решение данной задачи предполагает разработку общих исходных положений определения эффективности правоприменения. Тем более, что в литературе отрицается возможность применения понятия эффективности ко всем управленческим решениям и мероприятиям любого условия и периода общества.

Отсутствие четкой характеристики эффективности норм права отнюдь не означает невозможность познания эффективности право-

применения. Любое конкретное исследование по этому вопросу имеет теоретические основы, углубляющие наши знания о происходящих в обществе процессах.

Представляется, что основа эффективности правоприменения базируется на правоприменительном механизме и средстве достижения тех общих целей, которые стоят перед соответствующим институтом или нормой права. Как отмечалось выше, правоприменительная деятельность всегда осуществляет конкретные подцели, которые достигаются в том или ином ее звене. Как правило, их достижение и является показателем эффективности правоприменения.

По справедливому замечанию М.Н. Андрущенко, «эффективность есть количественная (следовательно, не только качественная) характеристика цели и теоретической возможности и формы ее материализации, ее конструктивного решения»¹⁶. Отсюда следует, что понимание эффективности применения права как соответствия результата и цели правоприменительных органов предполагает прежде всего анализ целей правовых норм (целевая концепция). Но цели последних, вероятно, не могут быть окончательно установлены без соответствующего анализа последствий их применения и реализации отдельных институтов.

«Эффект» и «эффективность» находятся в таком отношении: «эффект» – это действительно результат, следствие чего-нибудь, а эффективный – это дающий эффект, приводящий к нужным результатам, действенный, то есть способный этот результат создать»¹⁷.

Видимо, невозможно познать эффективность правоприменения, не определяя цели применяемых правовых норм и результатов действия правоприменительных актов. При этом не менее важным обстоятельством является познание всей совокупности процессов, влияющих на эффективность управленческих решений, поскольку факторы, влияющие на эффективность управленческих решений, находятся в сложной взаимосвязи с другими системами. Соответственно и «эффективность различных правовых комплексов – свойство действия не конкретных норм, а их систем».

¹⁶ Андрущенко М.П. Понятие эффективности и его философский смысл // Учен. зап. каф. обществ. наук вузов г. Ленинграда. 1971. Вып. 12. С. 48.

¹⁷ Шаргородский И.Д. Наказание, его цели и эффективность. Л., 1973. С. 58.

Поэтому при определении эффективности применения права следует исходить не только из цели норм права, но и учета последствий, средств, условий путей формирования правоприменительных актов.

По признанию В.А. Козлова, Ю.А. Суслова и ряда других ученых, построение социологических концепций права является надежной методологической основой для проведения конкретных (эмпирических) исследований оптимальности правотворчества, эффективности действия норм права и практики их применения¹⁸.

Выделение эффективности нормы права в качестве элемента правоприменения объясняется тем, что для идеальной правовой нормы характерна ясная, четкая цель, адекватно отражающая объективные закономерности общественного развития; соответствие целей нормы и используемых ею средств господствующему в обществе правосознанию (правовым идеям, идеалам и правовой психологии); отсутствие нежелательных побочных факторов при реализации нормы.

«Эффективность – это свойство действия» и «сила действия», потому эффективность правоприменительных актов можно оценить и с точки зрения реализации социальной эффективности правового регулирования в целом. Однако соотношение между результатами и целью не всегда показывает эффективность применения нормы права. Для познания эффективности права нужно одновременно изучить конкретные воздействия права и правоприменительных актов, хотя некоторые авторы считают, что при оценке эффективности правовых институтов не следует учитывать последствий их взаимодействия. Не следует забывать, что «отношения между фактически достигнутым результатом и целью являются формулой измерения эффективности нормы, а не сама эффективность»¹⁹.

Отсюда представляется, что эффективность применения нормы права могла быть определена по системе: «цель – оценка – последствия – эффективность». Все элементы данной системы приемлемы для оценки любого правоприменительного акта, с точки зрения «социализации личности» (поведенческий подход) и «материальной предопределенности» (социальный подход), о которых говорилось выше.

¹⁸ Козлов В.А., Суслов Ю.А. Конкретно-социологические исследования в области права. Л., 1981. С. 14-15.

¹⁹ Бойков А.Д. К изучению эффективности уголовно-процессуального закона // Эффективность применения. М., 1973. С. 174.

По нашему мнению, эффективность является оценочной категорией, поскольку достигнутые результаты сравниваются с исходными явлениями, предметами, процессами (например, момент принятия закона и его действие). Эффективность как категория должна быть и статистичной (например, нормы права). В этом плане она всегда конкретна, индивидуальна. Конкретность и индивидуальность присущи и правоприменительным актам. Но последние характеризуются более общими признаками (например, частная и общая превенция).

Теоретическая разработка проблемы эффективности нормы права в двух направлениях и сопутствующие ей конкретно-правовые исследования привели к необходимости «разведения» основных понятий семантически близкими, но не тождественными (такими, как оптимальность, экономичность, полезность и т. п.). Они способствовали также развитию некоторых специфических приемов выявления эффективности норм различных отраслей права, наметили перспективы для моделирования их действий.

Современное состояние исследований в области теории и методики изучения эффективности уже позволяют решать задачу на эмпирическом уровне. Целый ряд выработанных понятий позволяет определить содержание социально-правовых актов и дать им соответствующую интерпретацию.

В настоящее время проведено несколько исследований эффективности правоприменительной деятельности. Так, на основе одного из них Е.П. Шикин предложил следующую классификацию факторов, влияющих на качество правоприменительной деятельности:

- степень оптимальности правовой нормы;
- состояние управления (научность организации труда правоприменителей, организационная структура правоприменительного органа, порядок его деятельности, четкость разделения функций, компетенции, слаженность и согласованность всех звеньев системы правоприменительных органов);
- микроклимат, в котором происходит правоприменение;
- субъективные качества правоприменителя (его политическая зрелость, знание права, уровень правосознания, профессиональная этика, авторитет, опыт, высокие нравственные качества, общий культурный уровень). Здесь же уместно напомнить, что важным условием эффективности правовых норм является их целесообразное применение. Принцип целесообразности предполагает известную (в рам-

ках закона) самостоятельность правоприменителя. Отсюда становится еще более понятным значение субъективных качеств правоприменителей в обеспечении эффективного действия правовых норм;

– материально-технический фактор, в том числе этика процесса применения норм (внешнее оформление и обеспечение правоприменителя транспортом).

Факторы, обеспечивающие эффективность правоприменительных актов, были также детально исследованы и систематизированы В.В. Лазаревым. Он различает материальные и социально-политические, идеологические, организационные, правовые факторы. Для более эффективного воздействия права необходимы также правильное определение в законе характера предусматриваемых мер поощрения или порицания, оптимальная практика применения этих мер, систематическая информация населения об этой практике.

Можно сказать, что применение права связано всецело системой норм, укрепляющей организационную структуру правоприменителя, порядок их деятельности. В этом плане несколько спорно утверждение о том, что социальный эффект вызывает не норма, а действия государственных институтов и должностных лиц, направленных на ее реализацию.

7.3. Критерии эффективности правоприменения

В теории эффективности правоприменения важное место занимают критерии эффективности правоприменительных актов. Тем не менее данная проблема не подвергнута еще специальному исследованию. Это отчасти объясняется сложностью вычленения показателей действенности правоприменительных актов от результатов правоприменения. Например, представляется весьма затруднительным объединение в общий критерий эффективности приговоров результатов деятельности органов ИТК и трудовых коллективов.

В литературе вопрос о воспитательном эффекте, правоприменительном акте решается не одинаково.

Одни авторы считают, что специфическое предупреждение правоприменительного акта направлено не только в отношении социально неустойчивых лиц, а в отношении всех других граждан осуществляется задача общего воспитания, свойственная вообще социалисти-

ческому праву. Другие полагают, что эффект любого акта правоприменения влияет на всех граждан, а также на деятельность конкретного государственного органа.

Так, например, воспитательная эффективность приговора, во-первых, связана с достижением цели правосудия и осуществлением задачи уголовного процесса. Правосудие, вынося приговор, стремится исполнить правовые предписания в принудительном порядке. Но приговор обращен и к разуму, и к чувствам человека, он не столько карает, сколько воспитывает. Во-вторых, эффективность приговора достигается в большей степени путем установления в приговоре условий нравственного формирования личности (в семье, школе, на производстве, среди бытового окружения и т.п.) путем выявления обстоятельств конкретной жизненной ситуации на момент совершения преступления, путем определения наказания с учетом степени анти-социального отклонения в поведении осужденного.

Как показывают результаты изучения практики, система «обстоятельство – оценка – наказание» (разумеется, обстоятельство, влияющее на нравственное формирование личности) крайне редко применяется судьями, и даже без преувеличения можно сказать, что она в судебной практике является «целиной». При этом мы имеем в виду отсутствие в законе соответствующих требований, обязывающих судей отражать в приговоре обстоятельства, порождающие преступления; скудость характеристики личности осужденного (например, результаты изучения личных дел осужденных, отбывающих наказание в исправительно-трудовой колонии показывает, что в 47,7 % судебных приговоров отсутствуют сведения, характеризующие личность преступника с места работы, в 60 % – сведения, характеризующие личность по месту жительства. Аналогичные сведения отсутствуют в 75 % следственных характеристик); недостаточность учета судом роли потерпевшего по уголовному делу (например, по результатам изучения судебной практики только в 7,3 % приговоров содержались данные о моральном поведении подсудимого).

Признавая эффективность приговора в части ценностных ориентаций, считаем необходимым определить в приговоре объект воспитания, т.е. то, на что следует направить силу воздействия приговора: или на нарушение равновесия между различными видами потребностей и интересов, или на извращенный характер некоторых потребностей и интересов, или на бедность потребностей и интересов,

или же на аморальность способа удовлетворения их. Другими словами, на основе целостных психологических объектов и социальной ценности личности в приговоре суда необходимо определить степень преступной зараженности виновного и предусмотреть в отношении него средства и способы, которые помогли бы ему адаптироваться и исправить свое поведение в местах исполнения приговора.

Следовательно, критерий эффективности приговора порождается эффективностью правосудия в целом. В процессуальном смысле, как правосудие, так и его решение работают в едином направлении (например, в случае рассмотрения дела с выездом на место совершения преступления одновременно повышается эффективность деятельности суда в предупреждении преступлений и действенности приговора в разъяснении реальности наказания за совершение преступления). Так формируется и для правосудия, и для приговора «способствующая эффективность». Она вытекает из интересов социалистического правосудия и личности в общенародном государстве. Правосудие, осуществляя процессуальные гарантии прав и законных интересов граждан, своим решением способствует сознательному выбору средств, приемов и методов борьбы, способных при наименьших затратах сил дать наибольшие и наиболее прочные результаты. Возможно, поэтому законодатель признает приговор суда достаточным процессуальным средством достижения целей уголовного правосудия.

Наряду с общими критериями эффективности как для правосудия, так и для приговора по делу может быть достигнут и критерий эффективности «корреспондирующего» характера. Ее сущность выражается в последовательности проведения процессуальных действий в суде при разбирательстве предъявленного обвинения. Только при соблюдении этого правила судебный приговор может быть признан законным и обоснованным по делу, следовательно, только при соответствии содержания приговора форме собирания и оценке доказательств мы вправе говорить о достижении объективной истины по делу.

«Корреспондирующая эффективность» отличается от «способствующей эффективности» по трем признакам. Во-первых, она касается действенности решений суда по вопросам факта и права в целом, между тем как способствующая эффективность вытекает из действенности конкретных решений суда (например, самостоятельное действие решения суда о признании подсудимого виновным, точно также невиновным, отдельное влияние решения суда об определении

мер наказания и т.п.). Во-вторых, корреспондирующая эффективность в большей степени влияет на критерий эффективности правосудия, а способствующая эффективность – на критерий и показатель эффективности приговора. В-третьих, она позволяет выявить судебные и следственные ошибки, принять меры к повышению эффективности отправления социалистического правосудия.

Вместе с тем и правосудие, и приговор имеют индивидуальные критерии эффективности. Возможно, распределение критерия на деятельность суда и на его результаты вытекает из самостоятельности стадии судебного разбирательства и обособленности решений суда в пределах обвинения. Самостоятельность (индивидуальность) критерия эффективности приговора видна хотя бы из того, что применение к осужденному амнистии или же условно-досрочного освобождения отрицательно не влияет на эффективность правосудия, а наоборот, показывает гибкость судебного приговора. Революционная практика изменила значение приговора и характер амнистии. Она также расшатала другой буржуазный фетиш – твердый, не подлежащий изменению приговор суда. Политическая целесообразность в одинаковой степени признает и амнистию, и досрочное освобождение необходимыми элементами борьбы с преступностью.

Основой индивидуального критерия эффективности приговора является то, что правоприменительные акты не входят в фактический состав обстоятельств, влекущих уголовное (материальное) правоотношение. Судебные приговоры за исключением, разумеется, оправдательных приговоров ориентированы как на прошлое (установление фактических обстоятельств дела), так и на будущее (наказание, воспитание, предупреждение преступления).

Как критерий, так и показатель эффективности приговора имеют единую уголовно-правовую (единое понятие преступления) и уголовно-процессуальную (единый порядок судопроизводства по делам) основу.

Единое содержание критерия эффективности приговора выражается в моральном исправлении (перевоспитании) осужденного, т.е. такое изменение личности, при котором человек не совершает новое преступление не из боязни наказания, а потому, что новые взгляды, новые убеждения, новые привычки и моральные принципы не позволяют ему это сделать. Критерий эффективности приговора складывается из самостоятельных критериев эффективности отдельного вида и размера наказания в пределах предъявленного обвинения.

В силу того, что действия приговора распространяются не только на осужденных, но и на общественные отношения в целом, в том числе и на других лиц, критериями эффективности выступают социально-психологические ожидания, факторы общей и частной (специальной) превенции, неотвратимости наказания и рецидивности преступления. Правда, эффективность деятельности исправительно-трудовых учреждений и действенность судебных решений по уголовным делам не всегда должны определяться уровнем рецидива. Тот факт, что среди лиц, ранее судимых, в первые три года после освобождения наблюдается нарушение уголовного закона, не является достаточным доказательством недостигнутого исправления.

Возможно, на приговор не возлагается функция коренного изменения человека, тем более что в отдельных случаях само наказание не в состоянии положительно повлиять на сознание личности. Критерии достижения вышеуказанных целей законом, как известно, не установлены. Можно, очевидно, считать, что цель наказания достигнута, если лицо отбыло наказание и во время исполнения приговора строго соблюдало трудовую дисциплину, бережно относилось к собственности, т.е. показало комплекс положительных качеств, которые могут возникнуть лишь на основе убеждения. Под понятием «достижения целей закона» следует понимать ликвидацию антиобщественных установок и условий, которые обусловили совершение преступления.

Практика показывает, что эффект приговора повышается установлением причин и условий, способствующих совершению преступления, в том числе установлением действия (бездействия) потерпевшего, создающего преступную ситуацию в конкретном случае, правильным реагированием на них, проведением принципа дифференциации действия потерпевшего с учетом тяжести преступления и личности осужденного.

Отсюда вытекает вывод, что виктимологические аспекты эффективности приговора суда находятся в органическом единстве с обоснованностью и мотивированностью решения суда. Уголовному процессу чужда теория неизменности первоначального обвинения, которая отставивалась в дореволюционной юридической литературе. В то же время не исключается возможность влияния виктимологических факторов преступления на части судебного приговора и решения суда по уголовным делам.

Отсутствие учета виктимологических факторов в приговоре не означает отсутствия их по делу, так как органами предварительного следствия и суда, возможно, они не изучены. Виктимологические факторы могут быть по любому преступлению, независимо от категории обвинения, в том числе и по должностным преступлениям.

Проблема поведения потерпевшего в виктимологическом понимании имеет значение не только для формирования судейского убеждения и индивидуализации наказания по конкретному делу, но и для принятия в трудовых коллективах мер профилактического и воспитательного характера. Это может быть достигнуто путем обсуждения в трудовых коллективах приговоров судов.

Таким образом, **компонентами эффективности применения являются:** цель правовой нормы, средство достижения данной цели и наступившие положительные результаты в общественных отношениях.

Применительно к судебным приговорам можно выделить **три подхода к определению критериев и их показателей.** В основе первого подхода лежит уголовно-правовое определение критериев эффективности наказания в отрыве от действия судебного приговора²⁰. Второй – это уголовно-процессуальный подход, где эффективность приговора отрицается в самостоятельном значении²¹. Третий подход базируется на признании эффективности цели норм права критериями эффективности приговоров.

Анализ показывает, что все эти концепции переплетаются между собой, так как для них есть один общий признак – признание цели правовых норм критериями оценки их эффективности. Однако в литературе такие понятия, как «критерий эффективности», «критерий оценки эффективности», «условия признания критериев» толкуются неодинаково.

По утверждению Э.В. Ильенкова, все определяемые компоненты должны быть «родственными» по существу дела не в силу того, что они обладают одним и тем же одинаковым признаком, а в силу единства генезиса²². Генезисом же показателей и критериев эффективности приговора является заложенный в праве общественный интерес, исключающий субъективизм правоприменителя.

²⁰ Гальперин И.М. Наказание: социальные функции, практика применения. М., 1983. С. 7, 18, 47, 118.

²¹ Петрухин И.Л., Моршкова Т.Г. Оценка качества судебного разбирательства. М., 1987. С. 5-9.

²² Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М., 1974. С. 266.

Формирование критериев и показателей эффективности приговора и их оценка предполагает анализ конкретного содержания того, как и в каком объеме осуществляются права и обязанности участников уголовного процесса, каков социальный эффект этого реального правоотношения. При этом эффективность реализации права складывается не только из полного осуществления полномочий субъекта правоотношений (например, органов правосудия), но и из точного соответствия общественных отношений смыслу закона и своевременного закрепления их в правовых нормах. Следовательно, для определения критериев и показателей эффективности приговора нужен комплексный подход к механизму правового регулирования в целом.

Преимущество позиций авторов, признающих «автономные» критерии эффективности наказания, состоит в том, что эффективность определяется с учетом функций правового регулирования общественно опасного явления и уголовно-правовых санкций на определенном этапе развития общества. Действительно, социально-политическая рациональность представляет собой характер и степень участия уголовно-правовых санкций в решении текущих социальных задач. Ее показателями являются предполагаемые и фактически возникшие общественные затраты, а также положительное действие соответствующей санкции на урегулирование социальных противоречий.

Многими авторами гуманность вполне обоснованно включается в элемент эффективности наказания. Она будет применяться вплоть до самой отмены санкций закона, влияя при этом на постепенное уменьшение карательного и увеличение воспитательного содержания санкций. Следует согласиться и с мнением, что гуманность должна обеспечивать: 1) равенство граждан перед законом (уравнивающий аспект справедливости), 2) соразмерность между суровостью наказания и тяжестью преступления (распределяющий аспект справедливости)²³.

Известное отождествление критериев и показателей эффективности²⁴ вряд ли может быть признано бесспорным.

²³ Оситов П.П. Проблемы общественной эффективности уголовно-правовых санкций // Вопросы государства и права развитого социалистического общества. Харьков, 1975. С. 204

²⁴ Кузнецова Н.Ф. Проблемы изучения эффективности уголовно-правовых норм и институтов // Эффективность применения уголовного закона. М., 1973. С. 40.

Представляется, что критерии и показатели эффективности – разные понятия. Под «критерием» понимается «мерило-признак, на основе которого можно произвести измерение, оценку, сравнение, определение и классификацию чего-либо». А показатель – то, по чему судят о развитии и ходе чего-нибудь. Дело даже не в этом толковании. Очевидно, «критерии эффективности намечают общий подход к ее изучению, определяют необходимые для изучения стороны эффективности, а показатели дают лишь количественное выражение той или иной стороны эффективности, помогают фиксировать и сравнивать различные стороны эффективности»²⁵.

На наш взгляд, понятие «критерий» шире, чем «показатель» эффективности. Как отмечалось выше, показатели эффективности приговора выводятся из отдельных аспектов судебного решения, а критерий эффективности приговора складывается из конкретных показателей и значителен как итоговый фактор по уголовному делу в целом. Это означает, что критерий эффективности приговора простирается между целями уголовного наказания и приговором. Мы полагаем, что такое мнение соответствует нашей концепции эффективности приговора по системе «действие – результат». В этом плане действия (ценность) приговора выражаются в показателях, результаты действия выражаются в критериях, а последствие приговора есть совокупность показателей и критериев эффективности приговора по конкретному делу.

Так, Ю.Д. Блувштейн, совершенно справедливо замечая о суровости приговоров по делам о грабежах и разбойных нападениях (85,9 % ранее судимых лиц были приговорены к лишению свободы), отмечает, что «фактическое отбывание наказания весьма существенно отличается от мер, назначенных судом: только один из пяти ранее приговоренных к лишению свободы отбыл назначенный ему срок полностью»²⁶. Или другие показатели: из 300 осужденных за убийство к моменту совершения преступления 51 % не работали. К максималь-

²⁵ Теурский В.В. О понятии и критериях эффективности лишения свободы // Тр. Томского университета. 1976. Т. 260. Вып. I. С. 179.

²⁶ Блувштейн Ю.Д. Теоретические вопросы статического изучения личности преступника по материалам уголовных дел о грабежах и разбойных нападениях: Автореф. дисс. ... канд.юр.наук. М., 1968. С. 18.

ной мере наказания были приговорены из числа неработающих – 33 %, а из числа работающих – 19 %²⁷.

О нецелесообразности отождествления критериев и показателей эффективности приговоров свидетельствует и применение различных мер наказания²⁸ или же определенные наказания в условиях пробельности законодательства. Следует признать вполне обоснованным предложение В.В. Лазарева о необходимости вменить в обязанность каждому правоприменяющему органу доводить до сведения вышестоящих инстанций всю информацию, связанную с решением дел в условиях пробелов или других несовершенств правового регулирования.

Тот факт, что квалификация преступления «фиксирует в уголовно-процессуальных документах определенный вид уголовно-правового отношения»²⁹, не дает основания относить критерии к показателям эффективности приговора. Квалификация преступления является основанием показателя изменения общественно опасного явления. К этому выводу приходит, например, Б.С. Болотовский, который, подвергнув социологическому анализу приговоры по делам о разбойных нападениях, совершенных на территории Саратовской, Астраханской, Ульяновской (Симбирской) губерний, выявил тенденцию ослабления корыстной направленности разбоя при возрастании его насильственной стороны³⁰. Аналогичное мнение высказано Г.Н. Симушковым. Он установил причину увеличения числа лиц, осужденных за хулиганство, не в реальном возрастании преступлений, а в изменении законодательства и следственно-судебной практики³¹.

Таким образом, попытки отождествлять критерии и показатели эффективности приговора и определять критерии эффективности наказания как степень воздержания граждан от преступных посяга-

тельств на правоохраняемые объекты исключительно под воздействием угрозы наказания вряд ли могут считаться плодотворными.

Касаясь вопроса о реализации наказания, норвежский криминолог И. Анденес считает, что эффект общего предупреждения имеет место не только в отношении тех, кто осведомлен о мерах наказания и применения. Удержание зависит не просто от риска быть наказанным, но также и от характера и размера наказания, социального положения и морального осуждения. Он свою мысль обосновывает тем, что сама угроза наказания абстрактна и безлична. Кроме того, по его мнению, угроза, будучи направленной против запрещенного деяния, является лишь одним из факторов сложного мотивационного процесса, в котором черты личности, жизненная ситуация и воздействия неюридического свойства сочетаются самым различным образом. Действительно, сказанное подтверждается результатами социологического исследования. Так, правовая установка (позиция) опрошенных распределяется следующим образом: принципиальная позиция уважения к праву – от 34 до 48,1 %, боязнь санкции – от 13,7 до 39,5 %, стереотип поведения – от 11,4 до 32,5 %, конформное поведение – от 1,3 до 5,5 %.

Следует отметить, что, во-первых, признание неотвратимости наказания как критерий эффективности наказания для процессуалистов не новое явление. Как только началась дискуссия о составе теории эффективности, так и неотвратимость наказания была отнесена к элементам критерия эффективности.

Во-вторых, упрощенный подход к анализу уголовно-правовых отношений, на наш взгляд, объясняется разноречивостью авторов в позициях определения уголовно-процессуальных правоотношений, представляющих собой образование различных свойств материального характера.

По существу, в реальной действительности неотвратимость наказания не существует вне связи ее образующих структурных элементов. Как всякое сложное явление, она требует не только элементарного (логического) анализа, но, главным образом, и системного подхода для познания ее свойств.

В числе отправных посылок необходимо указать на то, что в роли частей, компонентов неотвратимости наказания могут выступать самые различные отношения уголовного и уголовно-процессуального характера, социальные процессы и действия приговора суда. Нет

²⁷ Флоря К.И. Назначение наказания с учетом причин совершения преступления: Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. М., 1970. С. 15.

²⁸ Алексеев В.В. Проблемы совершенствования исправительных работ без лишения свободы: Автореф. дисс. ... канд.юр.наук. Свердловск, 1977. С. 18.

²⁹ Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступления. М., 1976. С. 26.

³⁰ Болотовский И.С. Социология разбоя по советскому уголовному праву: Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. Саратов, 1970. С. 13.

³¹ Симушков Г.Н. Эффективность исправления и перевоспитания осужденных за хулиганство к лишению свободы и исправительным работам: Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. Л., 1974. С. 3.

никаких оснований рассматривать неотвратимость наказания только как объект оценки уголовного характера. Во всех случаях она является предметом уголовно-процессуальных правоотношений по поводу эффекта устрашения, морального эффекта и эффекта стимулирования привычного законодателя поведения, которые связаны с действием и правовым последствием приговора по делу.

Видимо, совершенно не случайно при уголовно-процессуальном подходе определения критериев эффективности приговора за основу берутся не только меры наказания, но и такие процессуальные вопросы, как окончательность, цельность и единство приговора, виктимология, гражданский иск, дополнительные решения и другие основания, необходимые для разрешения дела по существу. Это позволяет, во-первых, объединить указанные критерии (неотвратимость наказания, устрашение наказания, результативность всех форм УК и др.) наказания в критерий эффективности приговора; во-вторых, признать единый, обобщающий критерий эффективности приговора, характеризующий конечную цель деятельности правосудия и органов предварительного следствия (дознания).

По нашему мнению, показатели эффективности приговора не приобретают силу и значение критериев эффективности, точно также и последние не могут быть признаны показателями эффективности. Однако вопрос о соотношении критериев и показателей эффективности приговора и правосудия при уголовно-процессуальном подходе не находит единого решения.

Критерии эффективности правосудия принято рассматривать в двух аспектах: с точки зрения критерия эффективности правосудия в узком смысле и критерия оценки уровня организации правосудия.

В первой группе различаются внешние и внутренние критерии эффективности правосудия. К внешним относится «степень вклада» правосудия по уголовным делам в достижениях целей системы уголовной юстиции, прежде всего в предупреждении преступности. В качестве внутренних критериев эффективности правосудия по уголовным делам выступают его специфические цели, идеальные или планируемые на определенный период. Внешние и внутренние критерии эффективности правосудия в совокупности выражают: в состоянии законности при осуществлении правосудия и охраны прав и законных интересов граждан, участвующих в судопроизводстве (критерий 1), в правильном разрешении судами уголовных дел (критерий

2), в воспитательном воздействии правосудия на граждан (критерий 3), в возмещении ущерба, причиненного преступлением (критерий 4).

Что касается **сущности критериев оценки** уровня организации правосудия, то они распределяются на общие и частные критерии. Общие состоят в уровнях производительности труда в судах, выражаемой временем, затрачиваемым в среднем на одну трудовую операцию, и уменьшении издержек на отправление правосудия, т.е. социальная экономия. К частным критериям относятся служебная нагрузка судей, осуществление принципа специализации в судах, соблюдение процессуальных сроков и др.

Как видно, критерии эффективности правосудия полностью воплощают эффективность приговора, что вполне возможно. Но отрицание самостоятельного критерия эффективности приговора содержит в себе много спорного. Как уже отмечалось, во-первых, уже тот факт, что приговор приводится в исполнение, говорит о его самостоятельности. Причем с того момента, как приговор направляется в места отбывания мер наказания осужденного, он выходит за рамки деятельности органов правосудия. Во-вторых, в кассационном или же в надзорном порядке проверяется законность и обоснованность приговора суда. В-третьих, только приговор становится процессуальным актом, признающим судимость или реабилитирующим невиновного в предъявленном обвинении. В-четвертых, такие обстоятельства, как возмещение ущерба, правильное разрешение дела находят отражение в приговорах.

Бесспорно, что критерии эффективности приговора порождаются эффективностью правосудия в целом. Трудно отделить деятельность суда и результат его работы. Видимо, в этом плане как правосудие, так и его решение работают в одно время и в едином направлении. Например, в случае рассмотрения дела с выездом на место совершения преступления одновременно повышается эффективность деятельности суда в предупреждении преступлений и действенность приговора в разъяснении реальности наказания за совершенные преступления. Так формируется и для правосудия, и для приговора «способствующая эффективность». Она вытекает из интересов правосудия и личности в государстве. Правосудие, обеспечивая процессуальные гарантии прав и законных интересов граждан, своим решением способствует сознательному выбору средств, приемов и методов борь-

бы, способных при наименьшей затрате сил дать наибольшие и наиболее прочные результаты.

Наряду с общими критериями эффективности как для правосудия, так и для приговора по делу может быть достигнут и критерий эффективности «корреспондирующего» характера. Его сущность выражается в последовательности проведения процессуальных действий в суде при разбирательстве предъявленного обвинения. Только при соблюдении этого правила судебный приговор может быть признан законным и обоснованным по делу, следовательно, только при соответствии содержания приговора форме собирания и оценке доказательств мы вправе говорить о достижении объективной истины по делу.

«Корреспондирующая эффективность» отличается от «способствующей эффективности» по трем признакам. Во-первых, она касается действительности решений суда по вопросам факта и права в целом, между тем как способствующая эффективность вытекает из действительности конкретных решений суда (например, самостоятельное действие решения суда о признании подсудимого виновным, точно также или невиновным, отдельное влияние решения суда об определении мер наказания и т.п.). Во-вторых, корреспондирующая эффективность в большей степени влияет на критерий эффективности правосудия, а способствующая эффективность – на критерий и показатель эффективности приговора. В-третьих, она позволяет выявить судебные и следственные ошибки, принять меры к повышению эффективности отправления правосудия.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что и правосудие, и приговор имеют собственные критерии эффективности. Самостоятельность (индивидуальность) критерия эффективности приговора видна хотя бы из того, что применение к осужденному амнистии или же условно-досрочного освобождения отрицательно не влияет на эффективность правосудия, а, наоборот, показывает гибкость судебного приговора.

Эффективность деятельности исправительно-трудовых учреждений и действительность судебных решений по уголовным делам не всегда должны определяться уровнем рецидива. Тот факт, что среди лиц, ранее судимых, в первые три года после освобождения наблюдается нарушение уголовного закона, не является достаточным доказательством недостигнутого исправления. Как показывают результаты на-

шего изучения судебной практики г. Ижевска по делам о тяжких телесных повреждениях, повторные преступления совершаются по самым различным причинам: нетрудоустроенность (14,3 %), дурное влияние отдельных граждан (16,2 %), ненормальные отношения в семье, которые выражаются в нападении на подсудимого (7 %), в угрозе убийством (19 %), в оскорблении, издевательствах, унижении, скандалах (11 %) и др. Видимо, не случайно некоторые авторы считают целесообразным наряду с рецидивом применить и другой признак, суть которого сводится к определению средней степени исправления на момент освобождения от наказания.

Как критерий, так и показатели эффективности приговора имеют единую уголовно-правовую (единое понятие преступления) и уголовно-процессуальную основу.

В силу того, что действия приговора распространяются не только на осужденных, но и на общественные отношения в целом, в том числе и на других лиц, измерителями критерия его эффективности выступают социально-психологические ожидания, факторы общей и частной (специальной) превенции, неотвратимость наказания и рецидивность преступления.